

Александр Мардань

Прогулка

Хромые хромают, только когда ходят.
Из разговора в больнице

Когда вас в последний раз просили погулять? Не отпускали, а просили... Родители, когда хотели остаться на пару часов одни. Учительница, перед тем как объявить результаты контрольной. Фотограф, делавший снимки для визы. А еще? Еще вас просили погулять после сдачи анализов.

Кто любит сдавать анализы? Одни сдавать больно, другие уни­зительно. А есть такие, что больно и уни­зительно одновременно. А ждать результатов? Ну, тех, в которых цифры, еще туда-сюда... Холестерол повышен, гемоглобин понижен – будем исправлять. А когда результат «плюс-минус» или еще жестче – «да-нет»? Но­ворусская рулетка с двустволкой вместо револьвера... Любите та­кого результата ждать? Дуэль с десяти шагов. Стендаль совето­вал дуэлянтам листья на деревьях считать, пока пистолеты заря­жают... а мне чем заняться?..

Зимой листьев на деревьях нет. Хвойные растения только в парке, а иголки считать – зряшное предприятие, если даль­но­зоркостью не страдаете...

Может, зайти в кафе и выпить грамм двести... Во-первых, потеплеет, во-вторых, не так страшно. Про «наркомовские» сто грамм спирта слышали? Думаете, это был аперитив перед фрон­товым обедом? Скорее, перед свиданием... Со смертью. Ладно, не все так грустно. Теперь всё лечат. Мы же люди разумные, венец эволюции, страдаем всего семьюдесятью тысячами заболеваний. Главное, чтобы не всеми сразу.

Тогда пойду в кино. Ждать сеанса не нужно. Купил билет – и заходи. Правда, перед следующим, если хочешь узнать, с чего все началось, придется выйти и купить еще раз. Да и билеты стоят дороже, чем в театр. В нашей молодости было наоборот. А как кинотеатры боролись за тридцатикопеечного зрителя... Лучше всего в стране, где не было секса, завлекала надпись «только для взрослых». Художники с завидным упорством выводили ее на афишах индийских фильмов, которые в городах особым спросом не пользовались, в отличие от сельской местности, где на «Зиту и Гиту» приходило больше людей, чем на собрание колхоза.

А горожан заманивали обманом. Надо было план выполнять. И хотя все знали, что секса в индийском фильме нет по определению, все равно шли, а вдруг... Как раньше по десять раз ходили на фильм «Овод», а вдруг на этот раз побег удастся...

Ну, а если название «Мужчины в ее жизни» или «Запретные игры», то рука афишного художника игриво выводила «Детям до 16 лет строго запрещается». Хотя первый фильм, про леди Гамильтон и адмирала Нельсона, по нравственности мог соревноваться с киножурналом «Хроника дня», а второй – из раздела «Детское кино», про пятилетнюю французскую девочку, потерявшую своих родителей во время войны...

Обидно, когда врут, а спросить не с кого. Если солгал знакомый, – на него можно обидеться, если близкий, – развестись, а обманули в кинотеатре, – не ходишь туда пару недель, а потом снова идешь на пакистанскую эротику. Видиков не было, за рубежом ездили лучшие. Раз в три года. Каналов на телевидении было четыре! На трех показывали заседание 24-го съезда, а на четвертом мужик в костюме и галстук строго предупреждал: «Я тебе пощелкаю!». И люди шли в кино, где кресла скрипели, пленка рвалась, звук пропадал... Летом там было душно, зимой холодно. И все равно – это был праздник. Пусть маленький, но твой. С ирисками, семечками, тающим мороженым. И никакой широкий формат со стереосистемой и попкорном не заменят первого поцелуя в последнем ряду.

Чтобы увидеть спину Мишель Мерсье или Элизабет Тейлор без бретелек, люди стояли за билетами дольше, чем при Горба-

чеве за водкой. Ну, а если на экране мелькало что-то ниже спины, то зрители сидели даже в будке киномеханика, а кавалеры ордена Славы трех степеней получали билет без очереди в тыщу человек...

А легенды, ходившие о том, что вырезали из картины!.. Какие только фантазии не посещали жителей sexless страны... Они могли украсить колонки писем-отзывов «Плейбоя». И все завидовали киномеханикам, которые это якобы вырезали. Потом стали догадываться, что режут в Москве, в специальной комиссии, которая строго следила за градусом эрекции советских граждан...

Вы обратили внимание, что после возвращения секса в страну уже не притягивают наш взгляд выбитые дощечки в раздевалках и разбитые окна в банях?

С насилием на экране было полегче, особенно если оно было революционным и справедливым. А поскольку справедливость уже была понятием классовым, то и служила интересам трудящихся, точнее, тех, кто в поте лица наблюдал, как трудящиеся трудятся. Снимали насилие без крупных планов. Социалистический натурализм, не путать с соцреализмом, был нам чужд.

А если честно, то было и хорошее кино. Таких фильмов было немного, но смотрели их все... И все обсуждали. А сейчас все смотрят разное, а обсуждают... Да мало ли что можно обсуждать. По году, например...

Так, пойду в кино. А в какое? Это раньше оно было на каждом углу, а сейчас на весь город – три зала. Пока доеду, уже уходить надо. Кино отменяется.

В театр? Несерьезно. Во-первых, днем они не работают. Во-вторых, туда и вечером не очень ходят... Правда, когда столичные артисты приезжают, то залы полны, хоть и дорого. И не потому, что ценители собираются, а потому, что театру его первоначальная функция возвращается, роль собрания. Не партийно-профсоюзного, а городского. В Греции город становился городом, когда в нем появлялся театр. И мест в нем было столько, сколько свободных жителей. Вначале, во всяком случае. Потом их не хватало... и мест, и свободных жителей. Интересно было, кто в чем пришел, кто с кем ушел. Раньше театраль-

ную публику именовали «обществом, за исключением черни и простого люда». А сейчас в рваных джинсах, туфлях на босу ногу, с мобилкой в руке. Как там у Горина? «Это хуже, чем народ, это лучшие люди города». Ползала сообщения отправляет, ползала смс-ки получает...

Анализы у меня дневные, вечернего спектакля не дождусь.

На стадион? Бутылки собирать? Так на пляже это делать интересней... Это я так шучу. Нечего зимой на стадионе делать, как, впрочем, и на пляже. Другое дело – летом. Тела, как и души, разные. Прекрасных намного меньше, чем ужасных. Не верите? Сходите на нудистский пляж. На одно красивое – десяток с неприглядностями. С душами дела обстоят не лучше. До недавнего времени душевный нудизм встречался редко, разве что в анонимках и жалобах, но их, кроме адресата и цензуры, никто не читал... В интернете душевную обнаженку можно встретить на каждом углу. Она так же неприглядна, как уродцы на пляжах. Одна польза – стены общественных туалетов стали чище.

А может, зайти в гостиницу? Вот где можно согреться... Раньше не впускали, строго спрашивали: «Вы к кому?». Сейчас заходишь и тоже ждешь, что спросят, ответ мысленно уже раз пять повторил, что я, мол, хочу кофе выпить. А тебя никто не спрашивает...

То есть поверить, что тебе и деньгам, которые ты здесь оставишь, рады, и что выгонять никто не собирается, – мы пока не готовы. И что можно на диванчике посидеть, и на вопрос «Хотите ли кофе?» не надо вскакивать, а достаточно с улыбкой сказать: «Спасибо, пока нет», – и углубиться в изучение прошлогодней газеты. Жаль, нет у меня с собой прошлогодней газеты. Погуляю еще...

Многие, когда гуляют, мечтают, а я вспоминаю. Мечтать лучше перед сном. Например, о том, как выиграте миллион и больше. К десятому уже уснете...

И стоит это недорого – цена лотерейного билета. Специалисты по теории вероятности врут, что шансы мизерные. Чушь. Шансы всегда пятьдесят на пятьдесят, как орел и решка, вне зависимости от числа игроков и напечатанных билетов. Почему? Потому что можно выиграть, а можно не выиграть... Засыпайте

и мечтайте, что выиграете. А гуляя, лучше не мечтать, тем более об этом... Можно попасть под автомобиль, не поздороваться со знакомым, можно на окружающих начать смотреть свысока, особенно после второго миллиона. Мечты на ночь, воспоминания в день...

Раньше на почту было хорошо зайти, на центральный телеграф, там, конечно, не так тихо и чисто, как в библиотеке. Там редко читают, чаще пишут, но точно теплее, чем на улице. Там ручки с чернильницами. Люди макают ручками в чернильницу, перья поскрипывают.

Когда вы последний раз телеграмму посылали? Не смс-ку, а именно телеграмму, когда вам слова в ней считали, включая адрес, по три копейки за штуку. Слово – три копейки, и газета – самая главная в стране, самая честная, которая так и называлась – «Правда», столько же стоила. Сколько в ней слов было – считать не пересчитать, а всего три копейки!

Был у нас в городе продавец газет, большой шутник, сидит в своем киоске на людном перекрестке и через мегафон ускоряет процесс продажи: «Правды» нет, «Советская Россия» продана, остался «Труд» по две копейки». И смешно, и не придерешься.

Писали на бланке коротко: меньше слов – дешевле телеграмма. Ненормативная лексика – исключалась. Командировочный, у которого закончились суточные, писал скупому бухгалтеру эзоповским языком: «Твою мать выселяют из гостиницы! Срочно переведи деньги».

Телеграмму в ЦК и лично Генеральному секретарю можно было отправить только при наличии паспорта, но это не останавливало граждан. Поэтому начальник телеграфа всегда был другом секретаря обкома, чтобы вовремя остановить клевету про сгоревший клуб, который строить не начинали.

А еще телеграммой вызывали на переговоры. Телефонные. Междугородние. За два-три дня. А теперь – мобилки. Звони двадцать четыре часа в сутки, пока денег хватит. Но слышать и понимать – слова разные. А еще мобилки поют, фотографируют, кино снимают, погоду предсказывают. Сделали они нашу жизнь лучше? Наверное, в той же мере, как и цветные телевизоры, – тогда, как сказал классик, видеть стали лучше, теперь слышать ста-

ли чаще. Вот куда можно зайти и погреться, это в магазин, где мобилками торгуют.

Нет, лучше зайду в другой, на часы полюбуюсь. Магазин дорогой, но одет я прилично. Интересная закономерность – чем дороже часы, тем хуже идут. Вот эти, например, с турбийоном, это такая штука, которая влияние гравитации на ход часов устраняет, плюс лунный календарь – очень нужная вещь, а главное – показывает всем, что есть у владельца таких часов лишних тридцать тысяч долларов, и всем он об этом сообщить рад.

Каждый хочет выглядеть значительным, а еще лучше – значимым. И нет чтоб хвастаться, кому помог, скольких вылечил, накормил, сколько домов починил и ям заасфальтировал. Нет, говорит, у меня часов восемь штук, и все разное время показывают, а у меня четыре яхты: по одной на океан. А третий «Гольфстрим» купил. Пока не течение, а только самолет, и на сынишку жалуется: не любит мальчик, когда посторонние в самолете летают.

А может, так и надо? Потому что, если те, у которых самолеты, яхты, часы с турбийоном, вместо этого кормить и лечить нас примутся, мы же тогда вообще пальцем не пошевелим, мы тогда даже на выборы не пойдем. Кто же за них проголосует?

А за кого голосовать? За интеллигентов? Так интеллигенты в политике, как критики в искусстве: знают как, но не могут. Болит у них душа за судьбу народа, а он об этом и не догадывается...

Стою, смотрю в окно, напротив магазин «Оптика». Что больше всего отличает человека от животного? Очки. А интеллигентного человека от нормального? Снова очки. А что отличает богатого интеллигента от бедного? Правильно – оправа очков.

А кто они, интеллигенты? Придумал романист Петр Боборыкин это слово во второй половине XIX века, желая обозначить переживающих за судьбу крепостного крестьянства в России. А дальше мнения по поводу этого термина разошлись. Когда Владимир Набоков преподавал в Америке русскую литературу, ему сложно было найти адекватный перевод таких слов, как «пошлость», «хамство», «интеллигенция».

Я впервые зафиксировал свое внимание на этом термине, просматривая в детском возрасте фильм «Чапаев». Там белые

идут под бой барабанов в психическую атаку. А один из красных, перед тем как начать их методично расстреливать, произносит: «Красиво идут, интеллигенция». Из чего я понял, что слово это не хорошее, а глубоко враждебное. Когда воспроизвел его с услышанной в фильме презрительной интонацией, первый раз получил от мамы по губам. Уважение к интеллигенции сразу выросло.

Раздайте сотрудникам чистые листочки и попросите, не глядяывая друг к другу, написать два слова: «интеллект» и «интеллигент». Если число ошибок не превышает числа сотрудников, ситуация штатная, если превышает – приглашайте на работу интеллигентов.

Ладно, надо выходить на улицу.

Вообще, в небольшие магазины заходить неудобно, они всегда пустые. Я, например, живу напротив магазина «Ковры» уже год, но еще не видел, чтобы кто-то их оттуда выносил...

В маленьком магазине к вам сразу подходят, спрашивают: «Чем могу помочь?» – это понятно, продавцы тоже люди, им скучно, да и процент с продажи получают. Это раньше, когда все были равны, продавцу было важно показать, что он тебя главнее. Теперь мы не равны, потому что оказалось, что равенство – это идеал зависти (сам придумал). Мы равноправны, а дальше каждый зарабатывает, как умеет.

Неудобно перед продавцом в маленьком магазине, не скажешь ему, что меня, пятидесятилетнего мальчика, гулять послали, а на улице холодно. Можно я тут пока обувь померяю или колечки с камушками посмотрю? Знаешь, что ничего не купишь, а он не знает. Это как в споре. Бабушка говорила: спорят всегда дурак и подлец, один из них знает, как правильно, – он подлец, а другой не знает – он дурак. Я с бабушкой не соглашался, доказывал ей, что в споре рождается истина. Выходит, у истины родители – дурак и подлец? Какая же тогда у правды наследственность?

Да, так вот о продавце – неудобно перед ним. Другое дело – гулять по супермаркету. Взял тележку, облокотился на нее – и кататься по магазину, рассматривай, читай аннотации, если очки при тебе, хотя некоторые только под микроскопом раскрывают

тайну содержимого. Ходишь и удивляешься двум вещам: где все это было раньше и кто это купит теперь.

Видел недавно передачу, журналист олигарху выговаривает, мол, мы не для того на баррикадах стояли, чтобы вы с тридцатью девками в Куршавель катались, а тот спокойно отвечает: «Я с девками даже в кино не хожу, у меня ориентация другая. А на баррикадах вы стояли для того, чтобы на прилавке тридцать сортов сыра лежало». Вот и разбери, кто из них прав.

А еще я как-то задумался, как же мы раньше без всего этого жили и крепко любили «эту огромную и счастливую землю, которая зовется советской страной», где книгу «Кулинария разных стран» изымали из продажи за антисоветское содержание.

Правильно в мудрой книге написано: многие знания – многие печали. В дедушкином изложении это звучало еще лаконичней: «меньше знаешь – крепче спишь». В 1927 году моего деда исключили из партии. Он говорил, что за троцкистский уклон, а бабушка – что за малограмотность. Так что дед был в материале.

А может, на вокзале погреться? Он, кстати, недалеко. Уезжают, приезжают, табло, люди, зал ожиданий. Ничего не поменялось – просто Мекка, Медина и Земля Обетованная для любителей стабильности и преемственности курса. Даже ассортимент в буфете, как и меню в вагоне-ресторане, за последние двадцать лет резких изменений не претерпели.

Поругаешься в молодости с женой, дверью хлопнешь, пройдешь пару кварталов – и куда дальше? Аэропорт далеко, вокзал близко. Сейчас в зал ожиданий только с билетами пускают, а тогда всех впускали, правда, приходила милиция, интересовалась, куда едете, покажите билет... Жду, говорю, когда касса откроется. Домой иди ждать, советуют, или с нами, протокол оформлять.

Домой не хотелось из гордости, в милицию – из чувства самосохранения.

Это теперь с деньгами везде примут, а тогда, чтобы в гостинице поселиться, надо было в другой город ехать. С местной пропиской не селили. И это было разумно – приезжим мест не хватало, а тут местные начнут номера снимать, с целью ванну принять или еще каких глупостей. Нет полгода горячей воды? Надоело из

чайника мыться? Заплати четырнадцать копеек, получи шайку в бане и плещись целый день. Кипяток там был настоящий. Соусики в нем варили, яйца куриные. Про раков врать не буду. Был, правда, случай, когда в командировке сварили их в электрочайнике. Давно это было и по пьянке.

Иду на вокзал. Все равно туалет скоро потребуется.

Туалеты на вокзалах выполняют важную функцию сохранения связи времен и общественных формаций.

Ничто так не дискредитировало советскую власть, как постоянное желание населения справлять свои низменные нужды в общественных местах. Желание это так и осталось непобежденным марксистско-ленинской идеологией.

Классики этой теме внимания в своих работах уделяли мало. В основном, известные ассоциации возникали у них при упоминании интеллигенции и врагов пролетариата. Оставшиеся без основополагающих напутствий советские руководители ничем другим, кроме собственного опыта в решении этой задачи, не руководствовались. А поскольку в комсомол они попадали прямо с горшка, то в общественных туалетах им бывать не доводилось, что и было одним из основных отличий слуг народа от хозяев. То есть этот участок социалистического общежития был пущен практически на самотек, в прямом и переносном смысле.

Иностранцев старались в такие места не пускать, чтобы не подвергать сомнению их мысли о нашем родстве по линии разума. Хотя мест таких было немного, держать у каждого по милиционеру в противогазе, требующему паспорт с пропиской, руки не дошли. Махнули рукой, пусть клеветают.

Не успела еще прежняя власть в бозе почить, как предприниматели стали наши уборные из мест накопления сами знаете чего в места накопления первоначального капитала превращать, сделав их платными... Но не чистыми.

Вышел с вокзала. Быстро и недорого. Может, теперь в парикмахерскую? Светло, тепло, везде зеркала, пахнет замечательно. Если к мастеру очередь – еще лучше, можно посидеть, послушать пару историй. Парикмахеры редко бывают молчаливыми и с постоянными клиентами разговаривают. Ну, не о самом сокровен-

ном, но часто об интересном... Как в интернете. Раньше брадобреи играли роль блогеров.

«Нежные женские руки прикасались к нему только в парикмахерской». Чья эта фраза? Откуда она у меня в голове? Кстати, у парикмахера и нейрохирурга объект приложения общий – голова. В чем разница? Через месяц парикмахер может исправить ошибку. Вот так рождаются анекдоты, сам придумал, рассказал кому-то. Интересно, будут смеяться или улыбаться из вежливости? К счастью, нет знакомых нейрохирургов, им это смешнее должно казаться.

Жаль, что волосы растут медленно, а то можно было каждую неделю сюда приходиться... А как теперь голову мыть стали, я уже не говорю про шампуни. Раньше тоже мыли, но вперед наклоняли, словно кланяться заставляли, пригибали, а сейчас назад запрокидывают, и сидишь ты с гордо запрокинутой головой, а к ней прикасаются нежные женские руки... Когда женские руки только в парикмахерской прикасаются, чего бегать анализы сдавать... Хотя сегодня уже и в парикмахерской можно... Раньше брили опасной бритвой, подтачивали ее на кожаном ремне – и вся гигиена... Кого до тебя брили, чем он болел... А с другой стороны, как надои на душу населения увеличивать? Можно доить больше, а можно хоронить чаще. Так и шли с двух сторон навстречу достижениям народного хозяйства. А скольких граждан унес маникюр с педикюром? Теперь приходят или к своим проверенным или со своим проверенным.

Сядешь к парикмахеру в кресло, закроешь глаза, чтобы с ожидающими взглядом в зеркале не встречаться, и вспоминаешь, как мама в детстве голову мыла, как полотенцем заматывала. Фены тогда только в кино видели.

Тогда и теперь. Так и вся жизнь: «до» и «после» – наверное, правда, что если нет прошлого, то нет и настоящего. Но лучший день – сегодняшней, потому что вчерашнего уже нет, а завтрашний...

Подбрасываешь монетку, говоришь «орел», а выпадает решка. Знал же, что решка могла выпасть... Вот и в жизни – все ясно и понятно, только одним «до», другим «после»... Главное, чтобы не вместо...

А что бы я сделал, зная правильный ответ? Разбогател. Богатый – не тот, кто знает больше. Он знает раньше.

Пора возвращаться за результатами. Интересно: те же улицы, здания, тот же путь, а другим все видится, когда не прогуливаешься, а идешь. Дорога назад всегда короче...

Еще говорят, здоровье не купишь. Опять обманывают. И жизнь можно купить, если заплатить вовремя.

А результат у меня положительный. То есть отрицательный. В смысле – все в порядке.

Нет болезни. Нет одной, а остальные? Но думать об этом я сегодня не буду. Сегодня я буду жить и радоваться. Ведь у меня есть семьдесят тысяч поводов для счастья.

